

СИБИРЬ КАК МУЛЬТИЭТНИЧЕСКИЙ РЕГИОН

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-97-114

УДК 316

Миграционное пространство региона и его деформации

Дмитрий Олегович Труфанов¹, Рашит Гиззатович Рафиков²

¹ кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Института педагогики, психологии и социологии,
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)
dtrufanov@sfu-kras.ru

² кандидат исторических наук, заместитель начальника
Управления общественных связей Губернатора Красноярского края
rafikov@krskstate.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка концептуализации понятия миграционного пространства региона. Необходимость концептуализации авторы связывают с фактическим использованием этого понятия в социологическом дискурсе при отсутствии его общепринятой дефиниции. Миграционное пространство региона определено как совокупность социальных связей в регионе, субъектами-участниками которых выступают иностранные мигранты с одной стороны и принимающее общество — с другой. По мнению авторов, именно с прибытием иностранных мигрантов в регионе формируется миграционное пространство как особый тип социальных связей. Специфика этих связей обусловлена тремя основными факторами: инокультурным влиянием со стороны мигрантов, их особым юридическим статусом на территории прибытия и формированием общностей мигрантов как нового социального актора в регионе. Такой подход позволяет выделить миграционное пространство региона как особое социальное поле в структуре регионального социального пространства. На основе универсального социологического подхода предложена трехуровневая модель миграционного пространства региона. Первый уровень раскрывает количество иностранных мигрантов в регионе, их общности и группы, особенности их территориального размещения, обеспеченность ресурсами; второй уровень характеризует включенность мигрантов в систему социальных связей региона, их отношения с принимающим населением, функционирование организаций и институтов, нацеленных на взаимодействие с мигрантами; на третьем уровне представлены смыслы, нарративы, нормы, коллективные мнения, оформляющие представления о миграционных отношениях в информационном пространстве региона. По мнению авторов, данная модель может быть использована как для целей теоретического анализа миграционного пространства региона, так и в ходе его эмпирических исследований. Далее на основе эмпирических данных обсуждены элементы миграционного пространства Красноярского края, сделан акцент на иностранной трудовой миграции, направленной в регион преимущественно из стран Центральной Азии. В ходе анализа выделены актуальные и потенциальные деформации, образующие дисфункциональные явления в существовании и развитии миграционного пространства на различных уровнях.

Ключевые слова: социология, социология миграции, миграционное пространство региона, деформации миграционного пространства, трехуровневая модель миграционного пространства, Красноярский край, иностранные трудовые мигранты.

Цитирование: Труфанов Д. О. Миграционное пространство региона и его деформации / Д. О. Труфанов, Р. Г. Рафиков // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 1. С. 97-114.
DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-97-114

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей статьи — концептуализация понятия миграционного пространства региона и его эмпирическая верификация с выделением актуальных и потенциальных деформаций. Понятие миграционного пространства до настоящего времени не получило подробной разработки и концептуализации в социологии. Об этом свидетельствует отсутствие его общепринятого определения. Вместе с тем термин «миграционное пространство» звучит на научных конференциях и используется в социологических текстах. Им, как правило, обозначают совокупность структурно-динамических свойств части социального пространства, связанной с миграционными отношениями [24, 12, 7, 6, 21, 27-30]. Понятие миграционного пространства выражает обобщенные характеристики миграционных отношений, сложившихся в определенных территориальных границах — муниципальном образовании, регионе, государстве, в пространстве межгосударственных отношений. Именно в таком обобщении заключается целесообразность его использования. Понятийный аппарат социологии миграции включает понятия, раскрывающие различные стороны и состояния миграционных отношений: миграционная ситуация, миграционный процесс, миграционная мобильность, миграционное поведение, миграционное движение и ряд других [16; 3, с. 180-185]. Понятие миграционного пространства, на наш взгляд, может служить теоретической конструкцией, которая способна систематизировать эти и другие аспекты миграционных отношений и стать инструментом системного научно-практического анализа вопросов миграции на конкретных территориях.

Концептуализация понятия «миграционное пространство» для авторов статьи выступает инструментальной задачей, служащей целям практического изучения миграционных отношений в Красноярском крае. В связи с этим основным фокусом рассмотрения в статье выступает *миграционное пространство региона*. В первой части статьи дан теоретический анализ основных параметров миграционного пространства региона, во второй части рассмотрено миграционное

пространство Красноярского края, выделены его актуальные и потенциальные деформации.

Миграционное пространство региона является компонентом регионального социального пространства. Последнее представляет собой социальную среду, социальные связи в которой выражают политические, экономические, социальные и культурные особенности региона. Исследователи анализируют социальное пространство как совокупность социальных полей [4, с. 15-17], совокупность социальных групп, их внутренних и внешних связей [23, с. 297-302], совокупность взаимодействия социальных общностей [5, с. 16-20].

Данные определения указывают, что существенным признаком социального пространства, его основным конститутивным элементом выступают социальные связи. Социальная связь определяется в социологии как взаимодействие социальных акторов, предполагающее их взаимное влияние [8, с. 371]; взаимонаправленный процесс обмена социальными действиями [17, с. 165-167]. В связи с этим *под миграционным пространством региона следует понимать совокупность существующих в нем социальных связей, одним из субъектов-участников которых выступают иностранные мигранты*. Подчеркнем, что миграционное пространство как особое социальное поле (в терминологии П. Бурдьё) возникает именно при прибытии в регион иностранных мигрантов, основную часть которых на многих территориях составляют иностранные трудовые мигранты. Особенности этого социального поля обусловлены, во-первых, тем, что иностранные мигранты — это носители иной культуры, мировоззрения, образа жизни, которые отличаются от культуры принимающего общества. Привнесенная на территорию прибытия национальная культура иностранных мигрантов приводит к формированию в регионе специфических социальных связей, испытывающих на себе влияние или преимущественно основанных на нормативно-ценностной регуляции, свойственной этой культуре. Во-вторых, иностранные трудовые мигранты образуют новые этносоциальные общности (диаспоры) в принимающем обществе, в которых воспроизводится их куль-

тура или ее элементы и которые имеют характерные отличия от других элементов социальной структуры региона. В-третьих, положение иностранных мигрантов в регионе регулируется набором специальных нормативно-правовых актов, устанавливающих требования к их прибытию, пребыванию, осуществлению трудовой деятельности, взаимодействию с органами власти в регионе. На наш взгляд, это основные черты, оформляющие миграционное пространство как особое социальное поле в структуре социального пространства региона.

Возможно использование расширительного понимания понятия миграционного пространства региона, включающего не только иностранных мигрантов, но и мигрантов, прибывших из других регионов страны. Вместе с тем обязательным условием для выделения социальных связей с участием данных мигрантов в особое социальное поле выступает отличие их культуры от доминирующей культуры принимающего общества. Если прибывшие в регион мигранты не являются инокультурными, то это, как правило, не приводит к появлению качественно новых социальных связей, формированию особых социальных общностей. Также мигранты из других регионов страны не приобретают особого юридического статуса в принимающем обществе и действуют в общем правовом поле региона. Такие мигранты безболезненно интегрируются в уже существующие в социальном пространстве региона социальные поля, не образуя нового.

Таким образом, понятие миграционного пространства региона представляет собой инструмент анализа главным образом иностранной миграции в регионе. Именно в этом качестве оно будет использовано в нашем дальнейшем изложении результатов исследования миграционного пространства Красноярского края.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Задача теоретического рассмотрения миграционного пространства региона состоит в выделении его основных структурно-динамических характеристик, создании его концептуальной и операциональной модели, позволяющей исследовать

миграционные отношения и процессы в регионе. Перспективные возможности для решения этой задачи, на наш взгляд, открывает универсальная социологическая парадигма, построенная на принципах постнеклассического подхода в социологии [13, 14]. Ее ядром выступает методологический принцип минимального универсума, раскрывающий основные характеристики, необходимые для описания развивающейся системы [15, с. 85-86]. Постнеклассический универсумный подход подробно представлен в научной литературе и показал свою значимость в исследовании различных социальных объектов.

В данном исследовании мы используем два базовых постулата этой теории: 1) любая развивающаяся система имеет два полярных элемента, противоречие между которыми лежит в основе ее существования и развития; 2) любая развивающаяся система образует как минимум три иерархических уровня, выражающих процесс ее развертывания: вещественно-энергетический, функционально-организационный и информационный. Вещественно-энергетический уровень системы выражает ее материальную организованность — элементы, из которых она состоит. Активность системы на этом уровне обусловлена главным образом задачами выживания и закрепления на уровне устойчивого существования. Социальная система здесь предстает как совокупность социальных акторов в их физическом воплощении — индивидов и социальных общностей. На функционально-организационном уровне система устанавливает связи с различными элементами среды, в которой она находится, интегрируется в систему их отношений. В социальной системе на этом уровне формируются социальные организации, в которых развиваются устойчивые социальные связи между различными акторами, а также функционируют социальные институты, интегрирующие систему в общий процесс воспроизводства социальной жизни. Информационный уровень системы связан с производством коммуникативных продуктов — смыслов, идеологии, инноваций, в которых воплощается накопленный опыт ее развития. В социальной системе на этом уровне существу-

ют социальные нормы и ценности, идеологические конструкции, формируется общественное сознание.

Данные постулаты позволяют представить теоретическую модель миграционного пространства региона следующим образом.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИГРАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Миграционное пространство региона как особое социальное поле возникает с появлением социальных связей между двумя социальными категориями: иностранными мигрантами, прибывающими в регион, и представителями принимающего общества. Эти два элемента лежат в его основании. Противоречие между ними обусловлено культурными различиями мигрантов и принимающего общества: и первые, и вторые рассматривают друг друга как “out-groups” — носителей иной идентичности, иных социальных практик, нарративов и символов [29, с. 2338-2339]. Мигранты привносят в принимающее общество другой образ жизни, мировоззрение, традиции, ценности, практики удовлетворения социальных и духовных потребностей. Обратим внимание также, что мигранты имеют особый юридический статус по сравнению с представителями принимающего общества, который накладывает на них существенные ограничения. С момента въезда в страну и прибытия в регион иностранные мигранты становятся субъектами правовых отношений. Уже в этом проявляется социальная связь между мигрантами и принимающим обществом, которая выступает признаком существования миграционного пространства региона. Упомянутые различия приводят к появлению социальной дистанции между мигрантами и принимающим обществом, размер которой зависит от величины различий между ними. Как показывают исследования, чем сильнее межкультурные и межэтнические различия, тем больше социальная дистанция между мигрантами и принимающим обществом [18; 20, с. 31; 22, с. 170].

Обеспечение позитивных функциональных связей между иностранными мигрантами и при-

нимающим обществом — актуальная задача по поддержанию и развитию миграционного пространства региона. Этой задаче отвечает создание институциональных условий, необходимых для адаптации и интеграции мигрантов, — институтов правовой, социальной, культурной, информационной и других видов поддержки мигрантов. При нерешенности этой задачи в миграционном пространстве могут возникать дисфункции, способные приводить к социальным деформациям данного пространства.

Социальные деформации — негативные отклонения от нормального (функционального) состояния социальных отношений, приводящие к снижению качества социальных связей [10, с. 14]. Одной из наиболее тяжелых деформаций региональных миграционных пространств выступает формирование их внеправового сегмента, в котором действуют нелегальные иностранные трудовые мигранты. Эта деформация приводит к появлению целого ряда дисфункций, затрагивающих экономическое, социальное, политическое, культурное поля социального пространства региона. При этом, как показывают исследования, углублению этой деформации могут способствовать дисфункции в работе институтов и организаций, призванных обеспечивать иностранных мигрантов необходимыми ресурсами для адаптации в принимающем обществе региона.

Структура миграционного пространства региона включает как минимум три четко различимых уровня. На первом уровне (вещественно-энергетическом, в терминах универсального подхода) миграционное пространство региона представлено иностранными мигрантами, их группами и общностями, их количеством, особенностями их размещения на территории региона. Миграционное пространство региона возникает с прибытием в него иностранных мигрантов. Основными мотивами, формирующими их миграционные установки, выступают лучшие условия для удовлетворения потребностей мигрантов — экономических, социальных, духовных — на территориях прибытия (миграцию часто определяют как «способ голосования ногами»). Для иностранных трудовых мигрантов основны-

ми силами притяжения выступают возможности трудоустройства и получения более высокого дохода в регионах прибытия. В связи с этим при прочих равных условиях миграционное пространство расширяется в тех регионах, где существуют более эффективные экономические, политические и социальные условия для компенсации дефицитов, выталкивающих мигрантов из своих стран и регионов.

Как правило, мигранты чаще прибывают в регион, если в нем уже существует диаспора, включающая устойчивые группы с накопленными социальными связями с принимающим обществом и опытом социальных взаимодействий в регионе. Как показали исследования П. Коллиера, темп миграции имеет прямую зависимость от размера диаспоры: чем больше диаспора, тем, при прочих равных условиях, больше миграционный поток, направленный в регион [9, с. 63-72]. Наличие диаспоры снижает издержки для мигранта, которых требует его прибытие в новое общество и адаптация в нем.

С другой стороны, с увеличением диаспоры растет риск увеличения социальной дистанции между мигрантами и принимающим населением. Чем крупнее диаспора, тем более она замыкается на своих внутренних связях и тем меньше ее представители контактируют с принимающим обществом [9, с. 62]. Новые иностранные мигранты, впервые прибывающие в страну и регион, в качестве приоритетных связей рассматривают связи с членами своей диаспоры как представителями «мы»-группы. Особенно ярко эта черта проявляется у мигрантов, имеющих языковой барьер по отношению к принимающему населению. Когда диаспора может предоставить мигрантам средства для удовлетворения основных потребностей их пребывания в регионе, необходимость их контактов с принимающим населением сводится к минимуму. Таким образом, крупная диаспора, с одной стороны, способствует усилению притока мигрантов в регион, с другой стороны — способна стать фактором деформации миграционного пространства, связанной с увеличением социальной дистанции между мигрантами и принимающим населением и снижением

эффективности процессов социальной адаптации и интеграции мигрантов.

Прибытие в регион большого количества иностранных мигрантов актуализирует проблему их территориального размещения. Как правило, мигранты размещаются неравномерно на территории региона, образуют места компактного проживания в больших городах или в непосредственной близости от них. Прибывшие мигранты нуждаются в создании социальных и материальных условий их проживания в регионе: обеспечении жильем, основными социальными услугами (здравоохранение, социальная защита, юридическая помощь), возможностями для трудоустройства. Чем больше миграционный поток, тем больший объем данных услуг должен быть доступен мигрантам в местах их размещения. В условиях отсутствия необходимого объема услуг для принятия миграционного потока в регионе повышается риск возникновения напряжения миграционного пространства, что может привести к его деформациям. Риск деформаций здесь связан с возможностью ухода иностранных мигрантов во внеправовое поле и попытками обеспечить свои потребности с помощью нелегальных средств, а также с вероятностью повышения конкуренции и роста конфликтов с принимающим населением по поводу дефицитных ресурсов — возможностей трудоустройства, получения социального жилья, медицинского обеспечения и других услуг.

На втором уровне (функционально-организационном) миграционное пространство региона представлено актуальными связями и отношениями иностранных мигрантов и принимающего населения. Здесь предметом изучения выступают реальные контакты отдельных мигрантов и их групп с представителями местного сообщества, их группами, а также частными и государственными организациями. На наш взгляд, на этом уровне миграционного пространства целесообразно выделить для анализа следующие основные аспекты социальных связей с участием иностранных мигрантов в регионе:

1. *Социальные связи мигрантов и принимающего населения, их количество и качество. По-*

казателем размера миграционного пространства здесь выступают уровень, содержание и качество контактов коренных жителей региона и мигрантов. Эмпирическими индикаторами для оценки данного уровня могут служить наличие иностранных мигрантов в контактных кругах различных категорий принимающего населения (возрастных, территориальных, а также выделенных по уровню образования, дохода и пр.), предмет и цель этих контактов, субъективные их оценки (доброжелательные/конфликтные, полезные/вредные, необходимые/излишние и т. д.). Эти же индикаторы целесообразно использовать для анализа уровня, содержания и качества контактов мигрантов с коренными жителями. Такой анализ позволяет выявить функциональные и дисфункциональные зоны в региональном миграционном пространстве. Так, если при наличии статистически значимой по численности диаспоры с большим удельным весом иностранных мигрантов на конкретной территории региона фиксируется низкий уровень их контактов с жителями этой территории или наличие преимущественно конфликтных контактов, это может свидетельствовать о возможных социальных деформациях миграционного пространства, связанных с закрытостью диаспоры или наличием факторов, препятствующих сотрудничеству.

2. *Организации мигрантов и их связи с принимающим обществом.* Если на территории прибытия существует крупная по численности диаспора, которая является точкой притяжения переселенцев, следует ожидать появления зарегистрированных организаций и формальных объединений мигрантов, нацеленных на удовлетворение тех или иных потребностей этой категории жителей региона. Такие общественные институты обладают спецификой, обусловленной влиянием национальных и культурных особенностей мигрантов, норм и традиций организации их общения и совместной деятельности.

Распространенным видом зарегистрированных некоммерческих организаций являются национально-культурные автономии (НКА). Согласно определению, это «объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной

этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов» [26]. НКА формируются на основании принципов самоорганизации и самоуправления, многообразия форм внутренней организации, сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой. Такие показатели, как количество НКА в регионе, характер их работы, их связь с миграционными потоками, в том числе формы поддержки, которые они оказывают приезжим, выступают важным источником информации об активности диаспоры по установлению связей вновь прибывших лиц в принимающем обществе.

Другим направлением анализа на данном уровне являются экономические организации мигрантов — различные бизнес-практики, оформленные в виде предприятий малого и среднего бизнеса. Зачастую такие организации работают в сферах строительства и ремонта, торговли, различных областях сферы обслуживания. Анализ их количества и особенностей функционирования дает информацию о характере влияния миграционного пространства на экономическое поле региона.

Отдельным предметом анализа с использованием доступных источников информации должны стать неформальные организации мигрантов, функционирующие вне правового поля региона. Нередко такие организации создаются в тех сферах, где существуют дисфункции формальных социальных организаций и институтов принимающего общества. Как показывают наблюдения, нередко это сферы, связанные с проблемой обеспечения мигрантов жильем, с вопросами трудоустройства и оформления документов на пребывание и трудовую деятельность в регионе. Существование подобных нелегальных организаций

является деформацией миграционного пространства, часть которого выходит за пределы государственного контроля и создает риски роста уровня делинквентного поведения среди мигрантов.

3. *Организации принимающего общества, осуществляющие взаимодействие с иностранными мигрантами.* Здесь изучению подлежат государственные, общественные и коммерческие организации, укорененные в культуре принимающего общества, целесообразен анализ их деятельности и роли в развитии регионального миграционного пространства. К ним относятся подразделения администрации региона, связанные с планированием и реализацией миграционной политики, Управление по вопросам миграции ГУ МВД России в регионе, ФГУП «Паспортно-визовый сервис» МВД России, образовательные организации, общественные и правозащитные организации, союзы промышленников и предпринимателей и другие. Отдельной категорией организаций и учреждений, которые должны стать предметом изучения в ходе анализа миграционного пространства региона, выступают структуры, нацеленные на развитие межкультурного диалога и гармонизацию межэтнических взаимодействий — Дом Дружбы народов, Дом национальностей, которые существуют в российских регионах. Анализ деятельности совокупности данных организаций позволяет выделить и представить в системном виде институциональный каркас, обеспечивающий устойчивость миграционного пространства региона, а также оценить основные эффекты, которые производит функционирование данных организаций среди мигрантов.

На третьем (информационном) уровне миграционного пространства региона представлены смыслы, нарративы, нормы, коллективные мнения, формирующиеся в процессе его существования и развития. На этом уровне целесообразно подвергнуть изучению следующие основные характеристики.

1. *Образы иностранных мигрантов в представлении принимающего населения, а также образы местных жителей в представлении прибывающих в регион мигрантов.* В образе Другого выражаются как взаимные представления ми-

грантов и принимающего населения («Кто они?»), так и отношение друг к другу, восприятие идентичности, культуры, моделей социального поведения («Какие они?»). Образы Другого непосредственно влияют на практику социального поведения данных акторов, формируют нормы их отношения друг к другу, обуславливают преобладание признаков конфликтного или солидарного типов социальных связей в регионе.

Образ Другого реализуется в двух основных моделях: толерантного и интолерантного отношения к инаковости Другого [11, с. 183]. Исследование образов Другого в представлении принимающего населения и мигрантов призвано установить преобладающие черты той или иной модели. В зависимости от доминирующей модели, миграционное пространство региона может демонстрировать интегративные тенденции и быть в большей мере открытым с точки зрения взаимных контактов мигрантов и принимающего общества либо иметь тенденцию к закрытости и увеличению социальной дистанции между данными акторами.

Образы мигрантов и принимающего населения в представлении первых и вторых могут иметь возрастные, территориальные и иные отличия. Следует ожидать появления более напряженных участков миграционного пространства в местах концентрации иностранных мигрантов в регионе. Это делает миграционное пространство неоднородным, имеющим области большей или меньшей напряженности в различных его частях. Так, исследование Ю. Д. Гойнич и Д. О. Труфанова в Красноярском крае в 2013 г., а также более поздние замеры общественного мнения в регионе [19, с. 61] показали, что образ иностранных трудовых мигрантов в массовом сознании взрослого населения столичного мегаполиса (г. Красноярск) имеет в большей степени негативные черты, чем за его пределами.

2. *Основные нарративы, характеризующие миграционные отношения и преобладающие в информационном пространстве региона.* Под нарративом здесь мы понимаем устойчивые интерпретации различных аспектов миграционных отношений, которые получают распространение

в тех или иных полях информационного пространства региона. В таких нарративах могут кристаллизоваться мнения о пользе или вреде иностранных мигрантов для региона, их влиянии на уровень правонарушений в регионе, т. е. общественной опасности, на региональный рынок труда, о социальном поведении переселенцев и их отношении к культуре принимающего общества и многие другие мнения. Эти мнения становятся фактором социализации в региональном сообществе и формируют устойчивые стереотипы в отношении иностранных мигрантов, оказывающие влияние на качество социальных связей в миграционном пространстве.

С точки зрения изучения миграционного пространства региона, целесообразно выделить для анализа следующие основные компоненты информационного пространства:

- различные типы средств массовой информации (газеты, журналы (печатные и электронные), радио, телевидение);
- сеть Интернет (блогосфера, контент социальных сетей);
- публичные выступления политиков, общественных деятелей, других лидеров общественного мнения;
- коллективные мнения, складывающиеся в различных социальных общностях (территориальных, профессиональных, образовательных и др.) в ходе повседневных контактов.

Анализ контента этих компонентов регионального информационного пространства позволит выделить доминирующие нарративы, задающие основные смыслы в интерпретации миграционных отношений, выявить их направленность, соответствие толерантной или интолерантной модели восприятия иностранных мигрантов в регионе и установить основные источники информации, которые их транслируют. Преобладание нарративов интолерантной направленности может выступить фактором деформации миграционного пространства, связанной с распространением конфликтных отношений между мигрантами и принимающим обществом.

Последствия такой деформации проявляются в настоящее время в российском обществе. Как

показывают опросы общественного мнения в регионах, средства массовой информации и Интернет жители называют источниками преимущественно негативной информации о миграционных отношениях [25, 2, 1]. При этом обращает на себя внимание, что сегодня материалы явно негативной направленности при обсуждении миграционной проблематики в СМИ в целом не фиксируются. Тем не менее в массовом сознании населения сохраняется отношение к СМИ как источникам преимущественно негативной информации о мигрантах, что, по всей видимости, является стереотипом, сложившимся в предыдущие годы, когда негативный образ мигрантов был распространен в контенте СМИ. Источником в большей мере позитивных нарративов выступают традиционные институты социализации: семья, школа, друзья и знакомые.

3. *Миграционная политика в регионе, практики адаптации и интеграции мигрантов в принимающем социуме.* Здесь основополагающим аспектом, который должен быть подвергнут анализу в данном контексте, выступает концепция миграционной политики в регионе, ее принципы и стратегия реализации. Концепция задает основные подходы к регулированию и развитию миграционного пространства, определяет формы и направления социализации мигрантов в принимающем обществе.

Способы адаптации и интеграции лиц, прибывающих из-за рубежа, выступают важнейшими инструментами развития миграционного пространства региона. В миграционных потоках, направленных в регион, как правило, значительную долю составляют маятниковые мигранты, прибывающие на относительно короткий срок. Эти люди нуждаются скорее в адаптирующих, чем интегрирующих механизмах, которые позволяют им устанавливать краткосрочные связи в принимающем обществе в необходимом для достижения их целей объеме. Приезжим, рассчитывающим на длительное пребывание или переезд в регион на постоянное место жительства, должны быть доступны способы интеграции в принимающий социум, обеспечивающие более глубокую социализацию и установление долгосрочных связей с местными сообществами.

Такой дифференцированный подход позволяет осуществлять более эффективное регулирование миграционного пространства средствами государственного управления.

Выделенные уровни тесно связаны друг с другом и в реальной практике существования и развития миграционного пространства образуют

функциональное единство. Тем не менее их разделение целесообразно на уровне теоретического и прикладного анализа для детального изучения основных элементов миграционного пространства, их связей и тенденций развития (таблица 1).

Миграционное пространство тесно связано с этническим пространством региона, для которого

Таблица 1. Основные структурно-динамические характеристики миграционного пространства региона
Table 1. The basic structural-dynamic features of the region's migration space

Элементы миграционного пространства региона	Уровни миграционного пространства региона	Структурные характеристики миграционного пространства	Динамические характеристики миграционного пространства
Два основных субъекта социальных связей, формирующих миграционное пространство региона: иностранные мигранты и представители принимающего общества	Информационный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Образы Другого в представлении принимающего населения и прибывающих в регион мигрантов. 2. Основные нарративы, характеризующие миграционные отношения в информационном пространстве региона. 3. Миграционная политика в регионе, практики адаптации и интеграции мигрантов в принимающем социуме. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Динамика образа Другого, тенденции изменения восприятия мигрантами и принимающим обществом друг друга. 2. Изменения содержания нарративов, их дрейф в сторону толерантной или интолерантной моделей. 3. Изменения содержания миграционной политики, основные эффекты адаптации и интеграции мигрантов.
	Функционально-организационный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Социальные связи иностранных мигрантов и принимающего населения. 2. Организации мигрантов и их связи с принимающим обществом. 3. Организации принимающего общества, осуществляющие взаимодействие с иностранными мигрантами. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Динамика уровня социальных контактов мигрантов и принимающего населения. 2. Возникновение организаций мигрантов, влияние их деятельности на миграционное пространство региона. 3. Деятельность организаций принимающего общества, их влияние на миграционное пространство региона.
	Вещественно-энергетический	<ol style="list-style-type: none"> 1. Количество иностранных мигрантов, их этнические и культурные особенности. 2. Характер размещения прибывающих на территории региона, наличие мест компактного проживания. 3. Наличие диаспоры и ее размеры и охват. 4. Уровень обеспеченности приезжих основными ресурсами для реализации основных потребностей. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Изменение числа лиц из различных стран, прибывающих в регион, и их миграционных установок. 2. Изменение размещения мигрантов на территории региона. 3. Динамика размера численности диаспоры. 4. Динамика показателей ресурсного обеспечения мигрантов.

конститутивными факторами также выступают межэтнические и межкультурные различия акторов, формирующих социальные связи. Эти точки соприкосновения обуславливают ряд общих свойств миграционного и этнического пространств региона. Вместе с тем между данными пространствами существуют различия, связанные с тем, что одним из субъектов-участников миграционного пространства региона выступают иностранные мигранты, имеющие особый юридический статус в принимающем обществе. В то же время, как показывают наблюдения, социальное отношение принимающего общества к мигрантам — представителям той или иной национальности нередко экстраполировано на любых представителей этой национальности, независимо от того, являются ли они мигрантами или рождены и социализированы в данном обществе.

Таким образом, миграционное пространство региона может быть представлено как совокупность социальных связей, образованных отношениями между прибывающими в регион иностранными мигрантами и принимающим обществом. В ходе своего развития миграционное пространство образует как минимум три уровня, выделение которых целесообразно с точки зрения его теоретического анализа и эмпирических исследований. Исследование содержания данных уровней может быть осуществлено статистическими и социологическими методами. В качестве модели анализа и интерпретации полученных данных способна выступить предложенная концепция структурно-динамических характеристик миграционного пространства региона. Применение этой модели позволит систематизировать данные и представить региональное миграционное пространство в единстве его связей и компонентов. Формой представления результатов подобного анализа может выступить *карта миграционного пространства региона*, раскрывающая его структурно-динамические характеристики, связи миграционного пространства с другими полями социального пространства региона — экономическим, политическим, культурным и др. Карта миграционного пространства региона может служить важным источником информации

о его состоянии и развитии, а также выступить одним из инструментов принятия управленческих решений по регулированию данного социально-территориального образования.

МИГРАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ЕГО ДЕФОРМАЦИИ

В Красноярском крае регулярно проводятся исследования различных аспектов регионального миграционного пространства. Акцент в них сделан на иностранной трудовой миграции, которая направлена в регион преимущественно из стран Закавказья и Центральной Азии. Приведенные далее результаты получены в двух исследованиях.

В 2016 г. осуществлено исследование отношения взрослого населения Красноярского края к иностранным трудовым мигрантам. Объем выборки составил 1 200 респондентов. Тип выборки — квотная, репрезентативная по полу, возрасту и территориальному размещению взрослого населения края.

В 2017 г. проведено исследование социального самочувствия трудовых мигрантов из Центральной Азии в г. Красноярске. Объект исследования — мигранты, прибывшие из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Они составляют большинство (по итогам 2017 г. — 66%) иностранных трудовых мигрантов, находящихся на территории Красноярского края. Абсолютное большинство указанных мигрантов сконцентрировано в краевом центре и территориально находится в г. Красноярске. В исследовании использованы количественные и качественные методы. Выборка количественного опроса составила 900 респондентов (квотная с равным размещением: опрошено по 300 мигрантов из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана). В качественном исследовании использован метод фокус-групп (3 группы по 10 респондентов, по одной в каждом этническом сообществе мигрантов), а также метод экспертного интервью с представителями государственных организаций, структур и ведомств, осуществляющих взаимодействие с иностранными мигрантами (6 интервью).

В ходе исследований выявлены более или менее значительные деформации миграционного пространства региона, на которых мы сделаем акцент в этой части статьи. Логично предположить, что выделенные деформации не являются уникальными и могут быть актуальны для многих субъектов Российской Федерации, принимающих большие миграционные потоки. Полагаем, данное обсуждение позволит регионам сфокусировать на них внимание, провести их дополнительное изучение и коррекцию.

Первый (вещественно-энергетический) уровень. Размещение иностранных трудовых мигрантов на территории Красноярского края является неравномерным. На первом месте с точки зрения концентрации мигрантов находится г. Красноярск, на втором — г. Норильск. Уровень распространенности иностранных мигрантов в кругах личных контактов взрослого населения Красноярского края составляет 36% и является неизменным на протяжении 2015-2016 гг. При этом в г. Красноярске, где аккумулируется абсолютное большинство мигрантов региона, уровень контактов местного населения с мигрантами заметно выше и достигает 40,2% (за пределами краевого центра — 33,4%).

Основными побудительными мотивами, обуславливающими миграционную подвижность мигрантов и их прибытие в Красноярский край, выступают следующие:

- относительно высокий уровень экономического развития и экономической стабильности в краевом центре, более комфортные условия жизни. Это создает лучшие возможности с точки зрения финансового обеспечения семей, остающихся на родине и получающих денежные переводы от соотечественников, работающих в Красноярске;
- наличие вакансий на рынке труда в Красноярском крае, в том числе таких, которые не готовы занимать представители местного старожильческого населения;
- наличие родственников, уже укорененных в Красноярске;
- более благоприятные условия для прибытия мигрантов в Красноярском крае, чем во

многих других российских регионах, связанные с их институциональной поддержкой, относительно невысоким размером платы за оформление документов;

- среди молодежи актуален мотив получения образования.

Наряду с этим имеют место более частные мотивы, связанные с:

- воссоединением с семьей, родственниками (чему способствуют традиции совместного проживания родственных групп в национальных культурах мигрантов);
- различными жизненными обстоятельствами, когда мигрант, не имевший специальных планов остаться в Красноярске на длительный срок, в силу сложившейся после приезда ситуации задерживается здесь надолго;
- фактором исторической памяти (для старшего поколения мигрантов), в которой Россия ассоциируется с Советским Союзом, когда представители республик могли свободно приезжать на различные территории страны, получать там работу и встречать позитивное отношение со стороны местного населения.

Основными сферами занятости мигрантов из Центральной Азии в г. Красноярске выступают строительство и ремонт, а также торговля и организация питания. Сфера строительства привлекает мигрантов более высоким уровнем зарплат, при этом риск быть обманутым со стороны работодателя в строительной сфере заметно выше (это касается прежде всего отношений между мигрантом и работодателем, которые порою не оформляются согласно требованиям законодательства). Занятость мигрантов в сфере торговли является преимущественно сезонной, что связано с относительно кратковременными периодами их пребывания в краевом центре. Наряду с этим мигранты выполняют любую временную работу, которую могут найти в г. Красноярске. Реже они трудятся кочегарами, сторожами, работниками лесобработывающих предприятий, организаций сферы ЖКХ, водителями такси.

Большая часть мигрантов из Центральной Азии в г. Красноярске в настоящее время явля-

ются или приехавшими впервые, или неоднократно выезжающими и приезжающими в краевой центр. На постоянной основе в Красноярске проживают не более трети мигрантов. При этом до 60% мигрантов, находящихся на территории г. Красноярска в настоящее время, рассчитывают на длительное пребывание на территории краевого центра. Так, 31% намерены остаться в городе на длительный срок, а 28,9% рассчитывают получить гражданство и остаться в Красноярске на постоянное жительство. Установки на выезд из Красноярска имеют немногим более трети (35,3%) мигрантов. При этом 23,2% планируют вернуться через некоторое время, а 12,1% намерены уехать навсегда.

Актуальными деформациями на этом уровне миграционного пространства выступают проблемы с трудоустройством, о которых сообщают 34,7% мигрантов, с получением жилья (26%), а также слабым знанием приезжими русского языка (22,2%). Также в качестве социальной деформации предстает проблема низкого уровня профессиональной квалификации *части мигрантов*, прибывающих в регион для занятия трудовой деятельностью, а также низкого уровня их социальной зрелости и неразвитой способности принимать ответственные решения в отношении своего поведения. Это приводит, в частности, к конфликтам с работодателями, которые сталкиваются с неспособностью некоторых мигрантов качественно выполнить порученную им работу в соответствии с заявленной ими профессиональной квалификацией. Нередко работодатель предъявляет претензии к таким работникам, накладывает на них экономические санкции. В свою очередь, мигрант связывает данные претензии не со своей некомпетентностью, а с особым отношением к себе в связи с национальностью и обвиняет работодателя в недобросовестности и дискриминации по национальному признаку. Это приводит к появлению негативных нарративов в информационном пространстве, интерпретирующих указанные проблемы в терминах особого отношения к мигрантам по национальному признаку. По всей видимости, такой сценарий нередко встречается в российских регионах.

Второй (функционально-организационный) уровень. Наиболее востребованным институтом, к которому обращаются мигранты из Центральной Азии в г. Красноярске, выступает миграционная служба: с ней взаимодействует абсолютное большинство мигрантов (58%). На втором ранговом месте находится больница, поликлиника (48%), третье место занимают национально-культурные сообщества (42,5%). Далее следуют мечеть (35,7%), частные лица, посредники при устройстве на работу (30,7%) и образовательные организации (30%). Реже других учреждений мигранты обращаются для решения своих проблем в г. Красноярске в полицию (27%), государственную службу занятости (20,7%) и к местным властям (18,6%). Приведенные данные показывают, что наряду с обращением в государственные органы для достижения своих целей мигранты нередко прибегают к услугам частных лиц — посредников при устройстве на работу. Это показатель деформации функционально-организационного уровня, создающей риски ухода части мигрантов во внеправовое поле регионального миграционного пространства.

Другим моментом деформации, существующей на данном уровне, выступает процесс оформления документов в миграционной службе. Проблема связана с наличием посредников в оформлении документов в виде частных центров, принимающих заявления от мигрантов и проводящих первичную их обработку. У мигрантов накопилось значительное количество претензий и недовольства работой таких центров на фоне усложнения процедуры оформления документов, появления большего количества бумаг, подготовка которых требует дополнительных затрат времени и сил. Деятельность данных центров мигранты нередко называют неэффективной, затрудняющей процесс оформления документов (длинные очереди, ограниченный срок оформления документов, не всегда доброжелательное отношение со стороны сотрудников организаций, работающих с документами). Также дисфункциональным моментом выступает удорожание процедуры оформления документов (мигранты не всегда имеют возможность выполнить все финансовые

условия по оформлению документов), что способствует усилению тенденции расширения доли мигрантов, находящихся и работающих на территории региона нелегально.

Актуальной деформацией миграционного пространства в регионе выступают конфликты и непонимание между работодателями (которые представлены в основном принимающим населением) и иностранными мигрантами, устраивающимися на работу. В ходе таких конфликтов вина за появление причины конфликта зачастую перекладывается на мигрантов, чему способствуют такие факторы, как отсутствие договора о найме на работу и плохое знание мигрантами русского языка. Распространенным проблемным аспектом, с которым сталкиваются мигранты при трудоустройстве, выступает стремление работодателей брать на работу нелегальных мигрантов, в связи с тем, что ими легче манипулировать, в том числе платить более низкую заработную плату, не оформлять на работу официально, не создавать комфортных условий для работы.

Вместе с тем эксперты отмечают позитивные тенденции развития институционального регулирования миграционного пространства. Они проявлены в более строгом контроле за соблюдением миграционного законодательства в нашем регионе, в функционировании Дома Дружбы народов Красноярского края, который стал местом коммуникации представителей различных диаспор мигрантов, в расширении практики проведения национальных праздников в регионе, которые становятся открытыми для всех, в стимулировании формирования позитивного имиджа национальных диаспор посредством государственного субсидирования, продвижения национальной и миграционной тематики в СМИ и общественном пространстве (конкурсы, творческие мероприятия и пр.).

Третий (информационный) уровень. Образ иностранного трудового мигранта в представлении взрослого населения Красноярского края связан главным образом с ярлыком «гастарбайтеры»: с мигрантами ассоциируют представителей других стран и национальностей, приехавших в регион на заработки, обладающих низкой

профессиональной квалификацией и выполняющих тяжелую низкооплачиваемую работу.

Мигранты из стран Центральной Азии в г. Красноярске в большинстве позитивно оценивают состояние межнациональных отношений в крае, называют их абсолютно позитивными или скорее позитивными. О возникновении проблем в отношениях с принимающим населением после приезда в г. Красноярск сообщают не более 16% мигрантов. При этом данные проблемы не носят характера систематических конфликтов или неприязни на национальной почве, а проявляются преимущественно на бытовой почве. Исключение составляет поведение отдельных неадекватных представителей как мигрантов, так и принимающего населения, как правило, относящихся к категории молодежи, которые вступают в конфликты на почве национальной неприязни. В целом мигранты сообщают о своем комфортном самочувствии в красноярском социуме. Национальный фактор, как правило, не становится причиной трудностей, возникающих при трудоустройстве мигрантов в Красноярске. Скорее такие трудности связаны с отсутствием российского гражданства и российских документов об образовании.

Потенциальной деформацией миграционного пространства, которая способна проявиться в ближайшие 15-20 лет, выступает языковой барьер, который может препятствовать формированию позитивных нарративов в информационном поле региона и способствовать увеличению социальной дистанции между мигрантами и принимающим обществом. С уходом старшего поколения мигрантов, социализированных в российской культуре и обладающих хорошим знанием русского языка, увеличится доля молодых мигрантов, не имеющих этих качеств. В своих государствах будущие мигранты, как правило, учатся в национальных школах и развиваются в контексте национальной культуры. Прибытие в регион большого количества мигрантов без знания русского языка и основ российской культуры закономерным образом приведет к увеличению социальной дистанции с принимающим населением, ориентации диаспор на свои внутренние связи, возможному усилению тенденций анклавизации и

конфликтности социальных связей в миграционном пространстве региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмпирические результаты, приведенные в объеме, ограниченном форматом статьи, не описывают миграционное пространство Красноярского края в его полноте. Необходимы дальнейшие исследования для получения подробной карты миграционного пространства региона. Тем не менее уже имеющиеся результаты позволяют представить его комплексно, в совокупности основных компонентов. Выделенные деформации дают возможность диагностировать актуальные и потенциальные дисфункции миграционного пространства и предусмотреть меры, на-

правленные на снижение их негативного влияния на развитие региона.

Предложенная теоретическая модель миграционного пространства региона открывает дополнительные возможности его изучения. Выделенные уровни миграционного пространства могут быть дополнены различными показателями, более подробно раскрывающими их связи и элементы. Отдельным предметом анализа должны стать функциональные зависимости между различными элементами и процессами регионального миграционного пространства. Анализ данных зависимостей позволит поставить исследовательские вопросы о принципах и способах управления миграционным пространством региона. Это — предмет отдельной публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базина Е. С. Тема миграции и мигрантов в российских СМИ: образ «чужого» и проблема информационной объективности / Е. С. Базина // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 23. С. 24-36.
2. Блинова М. С. Социология миграции: история становления и перспективы развития: учебное пособие / М. С. Блинова. М.: КДУ, 2006. 192 с.
3. Бритвина Б. И. Влияние информации о внешних иноэтничных мигрантах на отношение к ним жителей Екатеринбурга / Б. И. Бритвина, К. А. Григорьева // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Том 162. № 23 (2). С. 169-174.
4. Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
5. Зборовский Г. Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен / Г. Е. Зборовский // Социум и власть. 2010. № 4 (28). С. 11-20.
6. Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система: теория и политика / И. В. Ивахнюк // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2008. № 2. С. 21-28.
7. Коллиер П. Исход: как миграция меняет наш мир / П. Коллиер; пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 384 с.
8. Корель Л. Дрейф регионов в миграционном пространстве России / Л. Корель, И. Корель // Общество и экономика. 2014. № 4. С. 158-177.
9. Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь: более 10 000 единиц / С. А. Кравченко. М.: Астрель: ССТ: Транзиткнига, 2004. 511 с.
10. Кудрявцев В. Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления): монография [Репр. изд.] / В. Н. Кудрявцев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 136 с.
11. Морозова Е. В. Образ Другого/Чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы) / Е. В. Морозова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 6/2. С. 183-186.
12. Немировский В. Г. Социология: учебник / В. Г. Немировский. М.: Проспект, 2013. 544 с.
13. Немировский В. Г. Универсальная парадигма современной российской социологии как перспектива развития / В. Г. Немировский // Социология. Научно-теоретический журнал. Минск, 2004. № 1. С. 39-49.

14. Немировский В. Г. Универсальный подход к динамике социальных систем: анализ и прогнозирование: монография / В. Г. Немировский, В. И. Кудрявцева. Красноярский гос. ун-т, Белорусский гос. ун-т. Красноярск: Минск, 2003. 158 с.
15. Нефедова Т. Г. Миграционная аттрактивность городов как индикатор трансформации постсоветского городского пространства России / Т. Г. Нефедова // Наука, инновации, технологии. 2012. Вып. 2. С. 106-135.
16. Новоселова Е. Н. Миграционная ситуация в столичном мегаполисе: проблемы и перспективы / Е. Н. Новоселова // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 22 (4). С. 98-118.
17. Общая социология: учебное пособие / под общ. ред. проф. А. Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2004. 654 с.
18. Отношение взрослого населения Красноярского края к представителям других национальностей, иностранным трудовым мигрантам и национальному экстремизму (по результатам социологических исследований, апрель-май 2015 г.) // Информационный бюллетень по вопросам межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае № 9. Красноярск: Поликор, 2015. 160 с.
19. Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам // Фонд «Общественное мнение». 25.09.2012. URL: <http://fom.ru/Mir/10442#> (дата обращения: 23.02.2018).
20. Панина Н. В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине / Н. В. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 26-45.
21. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж. А. Зайончковской и Г. С. Витковской; Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. 411 с.
22. Практика взаимодействия сибирского региона в сфере реализации государственной национальной политики: поликультурная образовательная платформа Сибирского федерального университета: коллективная монография / отв. ред. О. Г. Смолянинова. Красноярск: Гротеск, 2016. 236 с.
23. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
24. Сулягина О. Ю. Современные миграционные процессы на постсоветском пространстве / О. Ю. Сулягина // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 1 (14). С. 239-242.
25. Труфанов Д. О. Этнический фактор в городском населении Красноярского края: некоторые результаты социологических исследований за 2009-2012 гг. / Д. О. Труфанов, Т. А. Феньвеш // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: www.science-education.ru/ru/article/view?id=12415
26. Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О национально-культурной автономии».
27. Gorny A. Migration in the New Europe: East-West Revisited / A. Gorny, P. Ruspini. Palgrave Macmillan UK, 2004. 283 p.
28. Ivakhnyuk I. Migration in the CIS Region: Common Problems and Mutual Benefits / I. Ivakhnyuk // International Symposium «International Migration and Development». June 28-30, 2006. Turin, Italy.
29. Ruspini P. Forms and Features of the Post-Enlargement Migration Space / P. Ruspini // The Romanian Journal of European Studies. 2005. No 4. Pp. 9-19.
30. Siara B. The Construction of Gender in the Migration Space: Polish Women in the UK / B. Siara // GENDER—Zeitschrift für Geschlecht, Kultur und Gesellschaft. 2013. Vol. 5. No 1. Pp. 104-119.
31. The Blackwell Encyclopedia of Sociology / edited by George Ritzer. BlackwellPublishing, 2007. 6384 p.

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-97-114

The Region's Migration Space and Its Deformation

Dmitry O. Trufanov¹, Rashit G. Rafikov²

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Sociology,
Institute of Education, Psychology and Sociology,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
dtrufanov@sfu-kras.ru

² Cand. Sci. (Hist.), Deputy Head of Department of Public Relations,
Governor of the Krasnoyarsk Region
rafikov@krskstate.ru

Abstract. This article attempts to conceptualise the notion of the migration space in a region. The authors attribute the necessity of conceptualisation to the actual use of this concept in sociological discourse in the absence of its generally accepted definition. The migration space of a region is defined as a set of social ties in the region, the subjects of which are foreign migrants on the one hand and the host society on the other. The authors argue that with the arrival of foreign migrants in the region, the migration space is formed as a special kind of social ties. The specificity of these relations is due to three main factors: 1) foreign cultural influence from the part of migrants, 2) their special legal status in the territory of arrival, and 3) the formation of migrant communities as a new social actor in the region. This approach allows to distinguish the migration space of the region as a special social field in the structure of the regional social space. Based on the universum sociological approach, the authors propose a three-level model of the migration space of the region. The first level reveals the number of foreign migrants in the region, their communities and groups, their territorial location, and resource availability. The second level characterises the inclusion of migrants in the system of social relations of the region, their relations with the host population, the functioning of organisations and institutions that interact with migrants. The third level presents meanings, narratives, norms, collective opinions, and formalising ideas about migration relations in the information space of the region. In accordance with the authors' opinion, this model can be useful both for the purposes of theoretical analysis of the migration space of the region and in the course of its empirical research. Further, relying on empirical data, the authors discuss the elements of the migration space of the Krasnoyarsk Region and focus on foreign labour migration directed to the region from Central Asian countries. During the analysis, the authors identify actual and potential deformations that form dysfunctional phenomena in the existence and development of migration space at various levels.

Keywords: Sociology, sociology of migration, migration space of the region, deformations of migration space, three-level model of migration space, Krasnoyarsk region, foreign labour migrants.

Citation: Trufanov D. O., Rafikov R. G. 2018. "The Region's Migration Space and Its Deformation". *Siberian Socium*, vol. 2, no 1, pp. 97-114.
DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-97-114

REFERENCES

1. Bazina E. S. 2015. "Tema migratsii i migrantov v rossiyskikh SMI: obraz 'chuzhogo' i problema informatsionnoy ob»ektivnosti" [The Subject of Migration and Migrants in the Russian Media: "Foreign" Image and the Problem of Information Fairness]. *Biznes. Obschestvo. Vlast'*, no 23, pp. 24-36.

2. Blinova M. S. 2006. Sotsiologiya migratsii: istoriya stanovleniya i perspektivy razvitiya: uchebnoe posobie [Sociology of Migration: The History of Formation and Prospects for Development: Textbook]. Moscow: KDU.
3. Britvina B. I., Grigoryeva K. A. 2017. "Vliyaniye informatsii o vneshnikh inoetnichnykh migrantakh na otnosheniye k nim zhiteley Yekaterinburga" [The Influence of Information on Foreign Ino-Ethnic Migrants on the Attitude of Residents of Yekaterinburg]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury, vol. 162, no 23(2), pp. 169-174.
4. Bourdieu P. 2007. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of l'espace social]. Translated from French. Edited by N. A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Alateya.
5. Zborovskiy G. E. 2010. "Regional'noe sotsial'noe prostranstvo kak sotsiologicheskii fenomen" [Regional Social Space as a Sociological Phenomenon]. Sotsium i vlast', no 4 (28), pp. 11-20.
6. Ivakhnyuk I. V. 2008. "Evraziyskaya migratsionnaya sistema: teoriya i politika" [The Eurasian Migration System: Theory and Policy]. Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. №2. S.21-28.
7. Collier P. 2017. Iskhod: kak migratsiya menyaet nash mir [Exodus: How Migration is Changing Our World]. Translated from English by N. Edelman. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
8. Korel L., Korel I. 2014. "Dreyf regionov v migratsionnom prostranstve Rossii" [Drift of the Regions in the Migration Space of Russia]. Obshchestvo i ekonomika, no 4, pp. 158-177.
9. Kravchenko S. A. 2004. Sotsiologicheskii entsiklopedicheskiy russko-angliyskiy slovar': Bolee 10 000 edinit [Sociological Encyclopaedic Russian-English Dictionary: more than 10,000 units]. Moscow: Izdatel'stvo Astrel'; Izdatel'stvo SST; Tranzitkniga.
10. Kudryavtsev V. N. 2017. Sotsial'nye deformatsii (prichiny, mekhanizmy i puti preodoleniya): monografiya [Social Deformations (Causes, Mechanisms and Ways of Overcoming): Monograph]. Reprinted edition. Moscow: Norma; INFRA-M.
11. Morozova E. V. 2016. "Obraz Drugogo/Chuzhogo v formirovaniy vneshnepoliticheskoy identichnosti (obzor literatury)" [The Image of the Other/Alien in the Formation of Foreign Policy Identity (literature review)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl', vol. 8, no 6/2, pp. 183-186.
12. Nemirovskiy V. G. 2013. Sotsiologiya: uchebnik [Sociology: Textbook]. Moscow: Prospekt.
13. Nemirovskiy V. G. 2004. "Universumnaya paradigma sovremennoy rossiyskoy sotsiologii kak perspektiva razvitiya" [The Universum Paradigm of Modern Russian Sociology as a Development Perspective]. Sotsiologiya. Nauchno-teoreticheskiy zhurnal, no 1, pp. 39-49. Minsk.
14. Nemirovskiy V. G., Kudryavtseva V. I. 2003. Universumnyi podkhod k dinamike sotsialnykh system: analiz i prognozirovaniye [Universum Approach to the Social Systems Trends: Analysis and Forecasting: The Monograph]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gos. un-t; Minsk: Belorusskiy gos. un-t.
15. Nefyodova T. G. 2012. "Migratsionnaya attraktivnost' gorodov kak indikator transformatsii postsovetskogo gorodskogo prostranstva Rossii" [Migratory Attractiveness of Cities as an Indicator of the Transformation of the Post-Soviet Urban Space of Russia]. Nauka, innovatsii, tekhnologii, no 2, pp. 106-135.
16. Novoselova E. N. 2016. "Migratsionnaya situatsiya v stolichnom megapolise: problemy i perspektivy" [Migratory Situation in the Metropolitan Metropolis: Problems and Prospects]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya, no 22 (4), pp. 98-118.
17. Efendiev A. G. (ed.). 2004. Obshchaya sotsiologiya: Uchebnoe posobie [General Sociology: The Textbook]. Moscow: INFRA-M.
18. Polikor. 2015. "Otnosheniye vzroslogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya k predstaviteleyam drugikh natsional'nostey, inostrannym trudovym migrantam i natsional'nomu ekstremizmu (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy, aprel'-may 2015 g.)" [The Attitude of the Adult Population of the Krasnoyarsk Territory to Representatives of Other Nationalities, Foreign Labour Migrants and National Extremism (According to the Results of Sociological Surveys, April-May 2015)]. Informatsionnyy byulleten' po voprosam mezhetnicheskikh, mezkhkonal'nykh i migratsionnykh otnosheniy v Krasnoyarskom krae no 9. Krasnoyarsk: Polikor.

19. Fond Obshchestvennoe Mnenie. 2012. "Otnoshenie k migrantam-sosedyam i migrantam-kollegam" [Attitudes towards migrant neighbors and migrant counterparts]. 25 September. Accessed on 23 February 2018. <http://fom.ru/Mir/10442#>
20. Panina N. V. 2005. "Faktery natsional'noy identichnosti, tolerantnosti, ksenofobii i antisemitizma v sovremennoy Ukraine" [Factors of National Identity, Tolerance, Xenophobia, and Anti-Semitism in Contemporary Ukraine]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, no 4, pp. 26-45.
21. Zayonchkovskaya Zh. A., Vitkovskaya G. S. 2009. *Postsovetskie transformatsii: otrazhenie v migratsiyakh* [Post-Soviet Transformations: Reflection in Migrations]. Moscow: Adamant; Tsentr migratsionnykh issledovaniy, Institut narodnohozyaystvennogo prognozirovaniya RAN.
22. Smolyaninova O. G. (ed.). 2016. *Praktika vzaimodeystviya sibirskogo regiona v sfere realizatsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki: polikul'turnaya obrazovatel'naya platforma Sibirskogo federal'nogo universiteta: kollektivnaya monografiya* [The Practice of Interaction of the Siberian Region in the Implementation of State National Policy: A Multicultural Educational Platform of the Siberian Federal University: A Collective Monograph]. Krasnoyarsk: Grotesk.
23. Sorokin P. A. 1992. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [The Man. Civilization. Society]. Edited by A. Yu. Sogomonov. Translated from English. Moscow: Politizdat.
24. Sulyagina O. Yu. 2016. "Sovremennye migratsionnye protsessy na postsovetskom prostranstve" [Modern Migration Processes in the Post-Soviet Space]. *Materialy Afanas'evskikh chteniy*, no 1 (14), pp. 239-242.
25. Trufanov D. O., Fenvesh T. A. 2014. "Etnicheskiy faktor v gorodskom naselenii Krasnoyarskogo kraya: nekotorye rezul'taty sotsiologicheskikh issledovaniy za 2009-2012 gg." [Ethnic Factor in the Urban Population of the Krasnoyarsk Territory: Some Results of Sociological Research for 2009-2012]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no 2. www.science-education.ru/ru/article/view?id=12415
26. RF Federal Order of 17 June 1996 no 74-FZ (edified 4 November 2014) "O natsional'no-kul'turnoy avtonomii" [On National and Cultural Autonomy].
27. Gorny A., Ruspini P. 2004. *Migration in the New Europe: East-West Revisited*. Palgrave Macmillan UK.
28. Ivakhnyuk I. 2006. "Migration in the CIS Region: Common Problems and Mutual Benefits". International Symposium "International Migration and Development" (28-30 June, Turin, Italy).
29. Ruspini P. 2005. "Forms and Features of the Post-Enlargement Migration Space". *The Romanian Journal of European Studies*, no 4. P. 9-19.
30. Siara B. 2013. "The Construction of Gender in the Migration Space: Polish Women in the UK". *GENDER-Zeitschrift für Geschlecht, Kultur und Gesellschaft*. Vol. 5. №1. P. 104-119.
31. Ritzer G. (ed.). 2007. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Blackwell Publishing.